

Библиотека
ШКОЛЫ
ИМЕНИ
П. П. ПЕТРОВА

МУРЗИЛКА

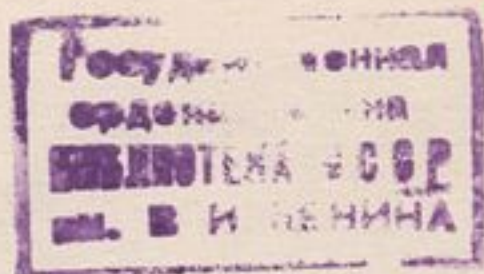
№ 8

Журнал ЦК ВКСМ
для школьников младших классов

АВГУСТ

1953

МИТЯ И ВИТЯ

(Маленькие рассказы)

Митя и Витя живут в одном доме, учатся в одной школе, сидят за одной партой. И хотя ссорятся они так же часто, как в школе бывают перемены, жить друг без друга не могут, поэтому мирятся, не успев как следует поссориться.

Друг на друга они совершенно не похожи. Митя — высокий, черноволосый и спокойный, Витя — маленький, белобрысый и суматошный. Он и одной минуты спокойно посидеть не может, вечно что-нибудь придумывает, но не будь рядом Мити, все его выдумки так только выдумками и оставались бы.

Таковыми приятелями были Митя с Витей.

Митя и Витя вместе уезжали в лагерь. Этот день надолго запомнился их мамам.

Целую неделю ребята составляли список вещей, которые надо было взять с собой. Накануне отъезда Витин папа просмотрел список и сказал:

— Чтобы всё это увезти, понадобится целый товарный вагон.

Красным карандашом он вычеркнул два футбольных мяча, два гамака, два насоса, которыми надувают футбольные мячи, и массу всяких других вещей, без которых в лагере прекрасно можно было обойтись. Всё, что осталось в списке, ребята поместили крестиками и галочками. То, что было отмечено галочками, должен был взять Витя, а то, что крестиками, — Митя.

В день отъезда они начали звонить друг другу по телефону, как только немного рассвело. Поезд отходил в три часа, но ребята всё боялись опоздать, и мамам пришлось досрочно отвезти их на вокзал.

МИТЯ ИЩЕТ ВИТЮ, ВИТЯ ИЩЕТ МИТЮ

На первой же линейке выяснилось, что ребятам не придётся стоять в строю рядом: стали они оба на правом фланге —

все смеются. Митя оказался на месте, а Витя на две головы ниже соседей. Перешли они на левый фланг — опять все смеются: Вите здесь как раз, а Митя торчит, как каланча... Стали в середине — ещё хуже: обоим не по росту. Пришлось вмешаться вожатому:

— Ребята! Дружба — дело хорошее, но строй ломать не полагается. Ты, Митя, становись на правом фланге, а ты, Витя, будешь у нас замыкающим.

«Замыкающий» обиделся. С вожатым он спорить не стал, а приятелю сказал:

— Вот... Вытянулся, как телеграфный столб... Стой теперь в разных концах...

— Сам виноват, — ответил Митя. — Надо есть всё, что дают, да побольше физкультурой заниматься. Может, и ты тогда дорастёшь до правого фланга.

Разобиженные и надутые, они разошлись с линейки в разные стороны. Но уже через десять минут стали разыскивать друг друга.

— Ребята, вы не видели Витю? — спрашивал Митя.

А Витя говорил:

— И куда это мой Митька пропал...

Ребята стали помогать им разыскивать друг друга. Они то и дело спрашивали:

— Митя, Витю видел?

— Витя, Митю видел?

Вите показалось, что ребята начали его дразнить.

И когда у душевой кто-то пропищал по-птичьему: «Витя, Митю видел?», Витя обиделся и крикнул:

— Это кто там дразнится? Выходи!

Но в кустах за душевой сидел кто-то храбрый и снова пропищал.

Витя бросился в кусты, но там никого не оказалось.

Только на ветке сидела маленькая серенькая птичка. Она почистила пёрышки, посмотрела круглым глазом на Витю и вдруг спросила:

— Витя, Митю видел?

— Что?!. — оторопел Витя.
— Витя, Митю видел? — снова пропищала птичка.

— Нет... Сейчас пойду найду его... — прошептал Витя, бросился из кустов и тут же столкнулся с Митей.

— Ой, Митя!.. — обрадовался Витя. — Тут птицы по-человечески разговаривают. Сейчас одна спрашивала: видел я тебя или нет?

— Я тоже слышал. Она кричит: «Митя, Витю видел?» — сказал Митя.

— Неправда! Она вовсе не так кричит! Она меня спрашивает про тебя: «Витя, Митю видел?» Вот как она кричит...

Конечно, они снова поссорились бы, но тут горн позвал их на обед. В лагере трудно ссориться. Некогда...

МИТЯ ГОВОРИТ — ЖЕРЕХ, ВИТЯ ГОВОРИТ — ШЕРЕСПЁР...

Стали ребята разбирать свои рюкзаки и обнаружили, что все вещи у них одинаковые: у Мити краски и у Вити краски, а альбома — ни одного. У Мити лески и у Вити лески, но ни крючков, ни грузил нет ни у кого.

— Ты всё перепутал! Вместо своих галочек забрал мои крестики... — набросился на Витю Митя.

— Ничего подобного! Это крестики мои, а галочки твои... — начал спорить Витя, но Митя показал ему список: там ясно было сказано, что галочки находились в ведении Вити.

Спорить было нечего. Выпросили они у ребят один крючок и отправились на рыбалку.

— Ладно уж... — сказал Митя. — Раз у нас один крючок, давай ловить на тюкалку. Свяжем лески так, чтобы крючок был посередине, наживим его стрекозой, ты перейдёшь на ту сторону, я останусь на этой. Будем ходить и тюкать наживкой по воде. Так все ловят.

— Ничего мы так не поймаем, — заявил Витя, но всё же перебрался на другую сторону речки.

Часа два ходили они и «тюкали», но всё без пользы. Витя собирался уже бросить это занятие, как вдруг рыба вылетела из воды и схватила стрекозу.

— Бросай удочку! — закричал Митя. — Я её сейчас вытащу.

— А почему это ты? Сам бросай! — закричал в ответ Витя и потащил рыбу к своему берегу.

— Не тяни! Порвёшь леску! — опять закричал Митя. — Это я придумал тюкалку — мне и вытаскивать.

Но Витя и слышать об этом не хотел, тащил к себе изо всех сил. Конечно, леска не выдержала и лопнула. Но рыба не сорвалась, и Митя благополучно вытащил её на свой берег.

— Ого, какого шереспёра мы поймали! — сказал Витя.

Митя посмотрел на рыбу и заспорил:

— Это вовсе не шереспёр, а жерех, если хочешь знать.

— Нет, шереспёр...

— Жерех...

На крик прибежали ребята и вожатый.

— Опять спорите? — спросил вожатый. — Напрасно. Во-первых, шереспёр и жерех одно и то же, во-вторых, вы поймали не шереспёра-жереха, а хорошего язя. Не спорьте больше и тащите его повару.

ДРУЖБА — ДРУЖБОЙ, А РУКИ МЫТЬ НУЖНО...

Назначили Митю дежурить — проверять у входа в столовую, чистые ли у ребят руки. Конечно, Витя пошёл с ним тоже в «добровольном» порядке. За дело

он принялся очень серьезно, каждого второго отсылал к умывальнику.

— Иди мой руки! — приказывал он. — Да не хитри. Знаем мы вас: постоите за углом — и всё... Проверю!

— Да это у меня не грязь, это такой загар... — запротестовал один мальчик. — Я же только что мыл. Смотри, мокрые ещё...

— Значит, без мыла мыл. Иди вымой с мылом, — не сдавался Витя.

— Подожди... — сказал Митя, посмотрел у мальчика руки и пропустил в столовую.

— Ах, вот ты какой! — возмутился Витя. — По дружбе пропустил... А знаешь, что я тебе скажу? Дружба — дружбой, а руки мыть нужно... Не буду я тебе помогать, когда так!

Витя хотел было пройти в столовую, но Митя остановил его:

— А ну, покажи руки!

— Что? Руки? Да ты что!..

— А то, что дружба — дружбой, а руки мыть нужно... Иди-ка помой с мылом.

— Да это вовсе не грязь, если хочешь знать... Это сажа.

— Сажа тоже грязь. Иди, иди... Да не хитри, знаем мы вас... Постоите за углом — и всё... Проверю!

МИТЯ ПОЁТ, ВИТЯ ПОДПЕВАЕТ

Появилось объявление, что в скором времени в лагере состоится праздник песни. В нём могли принять участие все, кто желал и мог петь.

— Митя, давай мы с тобой выступим и споём что-нибудь хором, — предложил Витя.

— Как это — хором? — удивился Митя.

— Да так! Ты да я...

— Это не хор, а дуэт... Но это неважно. А как же мы будем петь, когда у тебя ни слуха, ни голоса нет?

— Как это нет? — рассердился Витя. — Да у меня такой слух, что я слышу вон, как комар за речкой пищит. А голос у меня такой, что если я закричу сейчас, так весь лагерь сбежится...

— Ладно, — сказал Митя, — не надо кричать. Идём подальше от ребят и попробуем, может что и получится.

Вернулись они из рощи часа через два. Митя говорил нормально, а у Вити ничего нельзя было понять: он сипел, как старая патефонная пластинка. Он совершенно потерял голос.

— Знаешь что? — проговорил Митя. — У нас в квартире живёт артист из оперы. Когда у него пропадает голос, он ходит по коридору и поёт одно только слово: «Химия... химия... химия». Попробуй и ты, поможет наверно...

Два дня ходил Витя по лагерю и неожиданно для ребят начинал выкрикивать хриплым голосом: «Хиимия...» Ребята шарахались от него в стороны, а голос всё не возвращался.

— Может, ты перепутал? Может быть, надо петь «физика» или «арифметика»? — жалобно спрашивал Витя у Мити.

— Нет... Химия, потому что в этом слове все буквы поются.

Так, наверно, и не пришлось бы Мите с Витей принимать участие в празднике песни, если бы про их беду не узнал вожатый.

— Чудаки вы! — сказал он. — Сказали бы мне сразу — и всё было бы хорошо... Ладно, будете вы петь!

И верно. На празднике песни конферансье вдруг объявил, что выступают знаменитые певцы Митя и Витя и что они исполнят песенку про рыболова. Первым на сцену вышел Витя с удочкой в руках. Он подошёл к краю сцены, сел, как на берегу реки, размотал удочку и закинул прямо в зал. Тут появился Митя в сопровождении баяниста и запел:

С утра сидит на озере
Любитель рыболов...

Когда дело дошло до припева, Витя тоже стал во весь голос подтягивать: «Тра-ля-ля... Тра-ля-ля...» Но так как голоса у него не было, он всё ещё сипел, то никто из зрителей и не заметил, что Митя пел верно, а Витя фальшивил. Песенка так понравилась ребятам, что Мите с Витей пришлось исполнять её два раза.

НЕУМЕЙКА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

С утра
Всполошился
Наш дом
Номер шесть:
Ребят облетела
Тревожная вестъ

О том,
Что сегодня
В подъезде восьмом
Ходил почтальон
С необычным
Письмом.

Конверт, говорят,
С разноцветной
Наклейкой
И с адресом
Станным:
«Вручить Неумейке».

На третий этаж
Наугад он зашёл.
Там мальчика
Вову
Сажали
За стол.

Со сказкою
Вове
Вливали бульон.
— Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.

За ложку
Схватился
Испуганный
Вова,
А мама ответила:
— Нету такого!

Вошёл почтальон
В сто шестую
Квартиру
И видит на кухне
Такую
Картину:

Тарелок
Намыта
Блестящая груда,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.

Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
— Беда!

Простите.
Я снова
Попал не туда!

В квартире напротив
Жил толстый
Андрюшка.

По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.

Узнав почтальона,
Смутился
Андрейка:
— Не думайте, дядя,
Что я Неумейка!

Я, дядя,
Ещё не окончил
Игру,
Вот выстрою
Домик —
И всё уберу.

Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.

Сестрёнка ему
Надевала
Чулок,
А Слава скучал
И глядел
В потолок.

Присел почтальон,
Пододвинув
Скамейку.
— Не вы ли, — спросил, —
Гражданин Неумейка?

Но Слава,
Услышав
Обидное слово,
Вскочил на кровать
И воскликнул:
— Да что вы!

Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это — так... просто
Сестрёнку учу!

Ушёл почтальон.
И уже в коридоре
Чуть-чуть не упал
На трёхлетнего
Борю:
Цветы поливал он
Из маленькой
Лейки.

И здесь
Не нашёл
Почтальон
Неумейки!

Он вышел во двор
И пустился
Опять
В другие дома
Неумейку
Искать.

...Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?

Два слова
В конверте
С цветистой
Наклейкой,
Обидных
Два слова:
«ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ!»

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Я поехал на юг и всё ждал: вот увижу Чёрное море.

На машине мы забрались на высокую гору, потом стали спускаться по узкой дороге, среди дубов и кипарисов. Вдруг все закричали:

— Море! Море! Чёрное море!

Я посмотрел: внизу под нами лежала голубая спокойная гладь, чуть мутноватая, вроде чистого неба перед рассветом.

Я думал — вблизи море чёрное. Как приехали, побежал на пляж. Нет, и вблизи голубое, да зелёное кое-где.

«Вот так Чёрное море!» — подумал я. Лёг, закрыл голову газетой и заснул.

А когда проснулся, газету мою снесло ветром. Море шумело, волны кидались на берег, рассыпались и катали мелкие круглые камушки. Кто-то крикнул:

— Буря!

И многие заторопились домой.

Собрался и я. Даже не искупался. Поднялся на гору, оглянулся — и ахнул: небо было синее-синее. Солнце стояло над головой и жгло нещадно. А море и вправду стало чёрным. Чёрное-чёрное, чуть с синевой, и по чёрному морю кое-где бежали, сверкая на солнце, белые гребни волн.

Я долго смотрел с горы и всё думал: «Вот оно, Чёрное море».

Рассказы о

А. НЕКРАСОВ

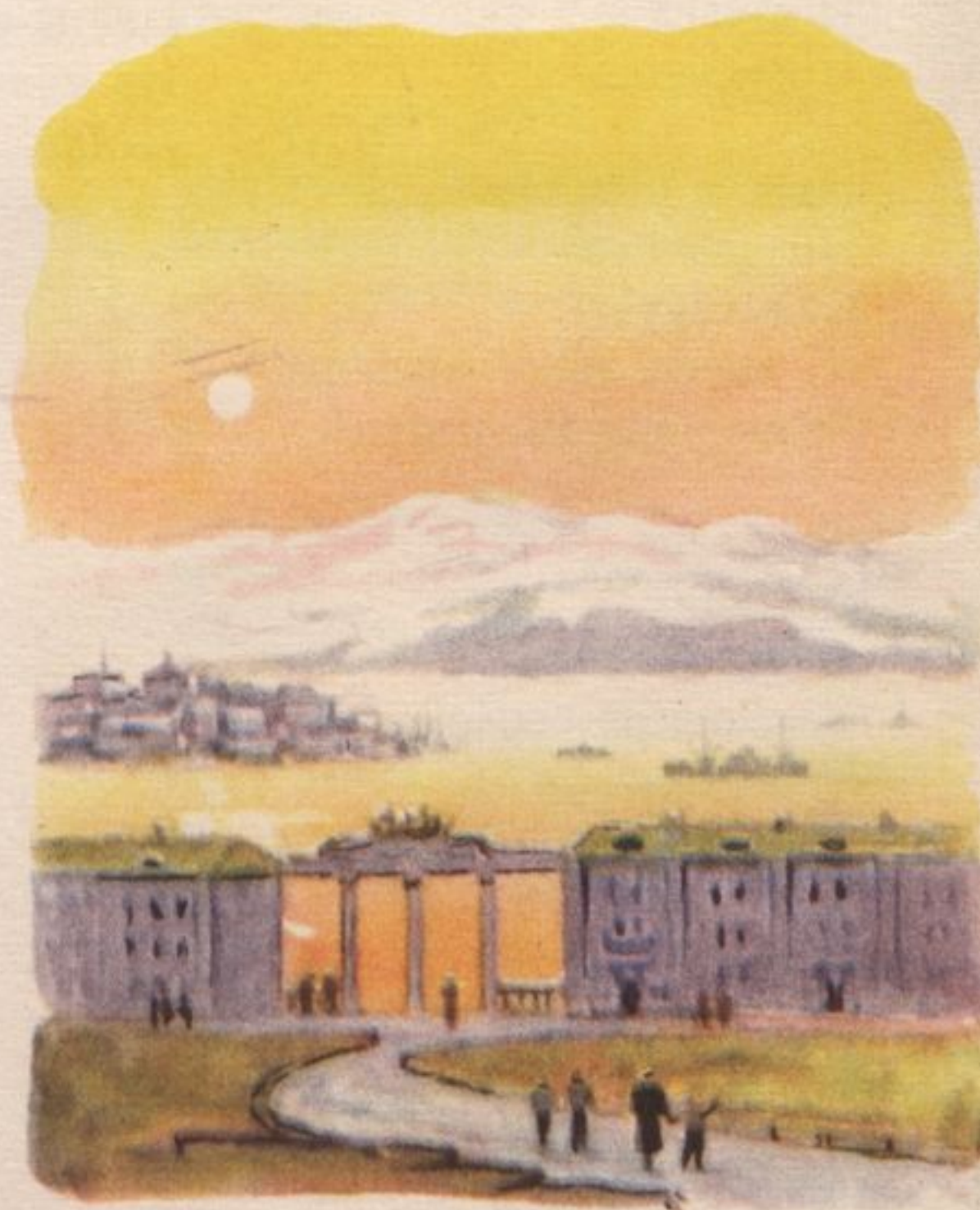
НОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Мы прилетели в далёкий северный город Мурманск. Настал вечер, и я всё поглядывал на часы — ждал, когда стемнеет. У меня был фотоаппарат, и я хотел в темноте зарядить его новой плёнкой.

— Долго тебе придётся ждать, — засмеялся мой товарищ: — месяца полтора, не меньше.

Тут и я вспомнил, что зимой на севере солнце совсем не встаёт месяцами. Только звёзды горят в чёрном небе да иногда разноцветными огнями полыхает сияние. Зато летом там совсем не бывает темноты. Солнце днём и ночью ходит по небу, а порой вместе с солнцем ходит по небу ещё и луна.

Я всё это знал, а когда своими глазами увидел ночное солнце, никак не мог привыкнуть — всё думал: «вот стемнеет...» По ночам я бродил по улицам. И не один я бродил. Там многие гуляют по ночам, читают газеты на перекрёстках, и даже дети иногда греются ночью на солнышке.

севере и юге

Рис. В. БИБИКОВА

МАЯК

Как-то раз на севере я попал на маяк. Стоит высокая башня на крутой пустынной скале. Как стемнеет, на башне зажигают большой фонарь. А когда светло, гасят лампы и подолгу работают наверху: протирают зеркала, чистят стёкла, чтобы ярче светило. Там и живут на маяке вот уже двадцатый год.

Редко кто зайдёт на маяк, редко кто доброе слово скажет маячникам.

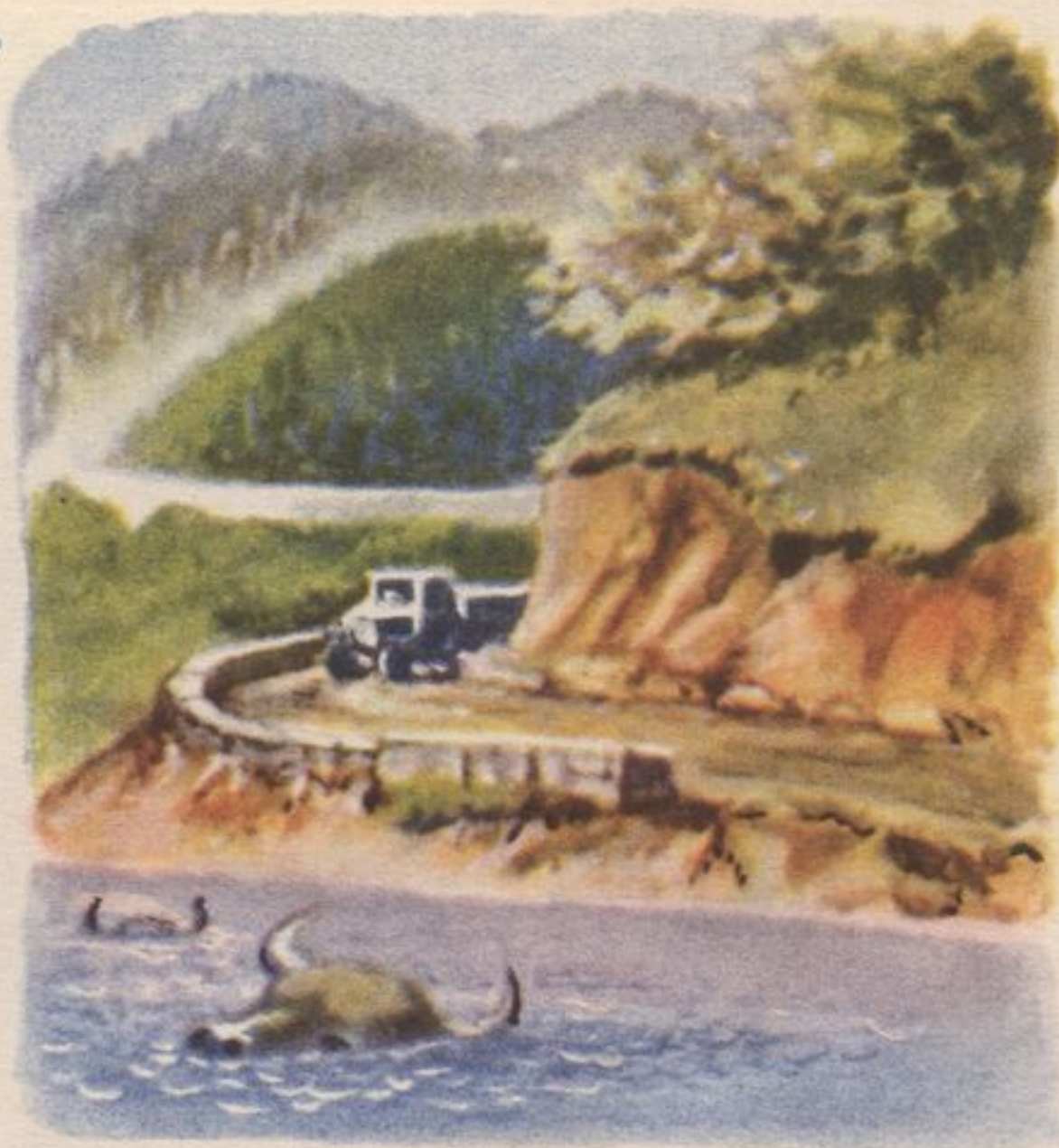
И вот однажды плыли мы в тех местах. К ночи разыгралась буря. В бурю и так несладко, а у нас ещё машина сломалась, и понесло нас на берег.

Темнотища. Волны, как горы. Несёт нас... А куда несёт — неизвестно.

Вдруг мелькнул огонёк над волнами. Мелькнул и погас, опять мелькнул...

— Спасибо маяк открылся... — сказал наш капитан и вздохнул. — Теперь не страшно, скалы позади остались.

Тут я и подумал: за двадцать-то лет, наверное, не раз вот так же благодарили маячников в тёмные бурные ночи.

НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ

Мы ехали по горной дороге. Было душно и тихо, только быстрые речки шумели, пробегая под мостиками. А в одном месте и речка не шумела — её перегородили плотиной, и получилось маленькое тихое озеро.

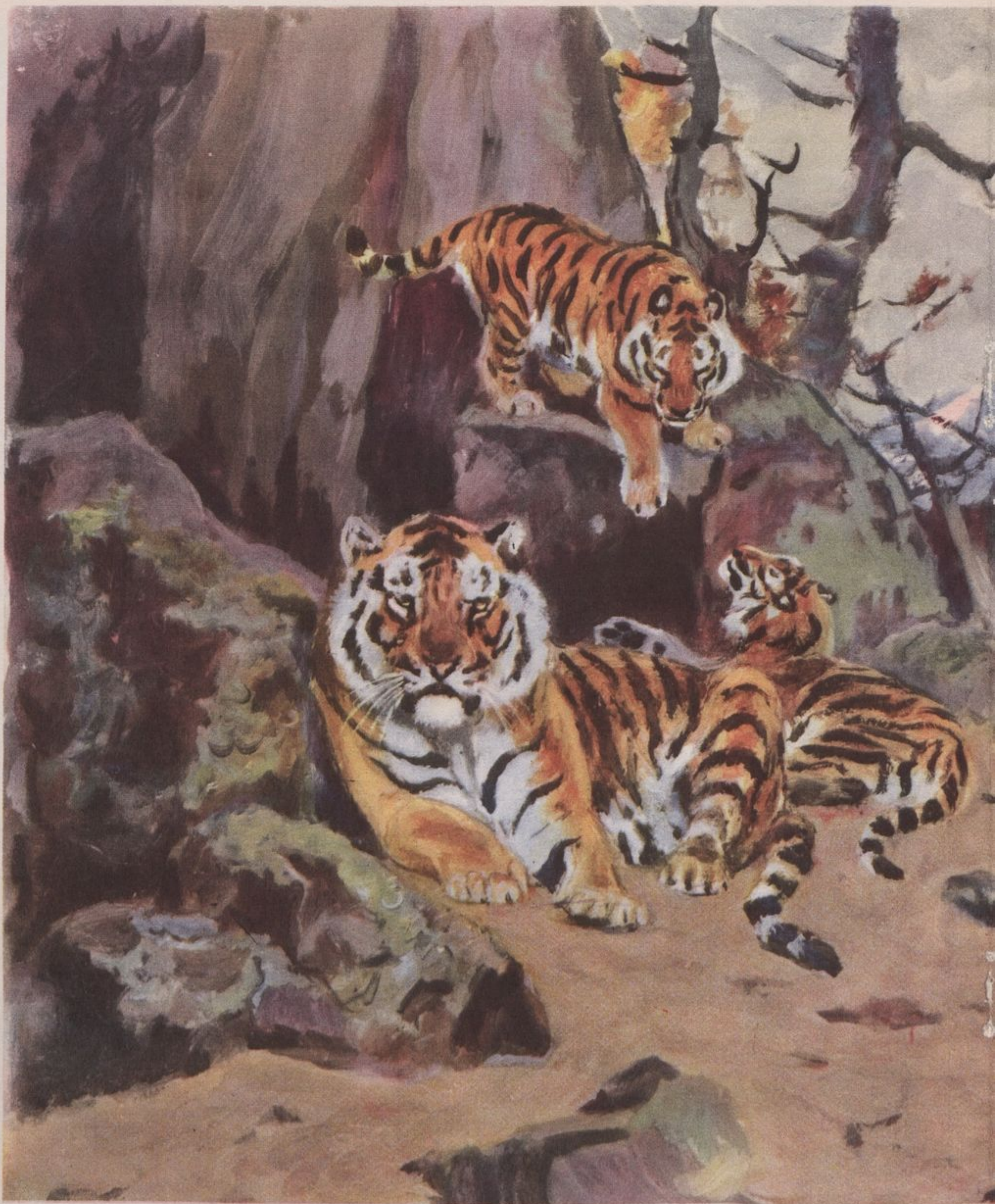
Шофёр остановил машину, взял ведро и пошёл за водой. Тут мы увидели в озере каких-то страшных зверей. Их-то самих видно не было, — только круглые ноздри да большие круглые глаза неподвижно лежали на воде.

— Что это? Что за звери? — удивились мы.

Наш шофёр стукнул по ведру кулаком, как в бубен, свистнул, закричал...

И вдруг вода заволновалась, пошла кругами, — одна за другой стали подниматься из озера огромные серые головы с прямыми рогами. Потом поднялись толстые серые шеи, потом гладкие спины, потом сильные ноги с большими копытами...

Это буйволы были — рабочие быки. На них и возят и пашут в горах, и по дороге мы их не раз встречали в упряжке. А эти уже поработали и пришли отдохнуть. Там очень жарко и оводов много — вот буйволы и спрятались в воду. И даже жалко стало, что мы их потревожили.

В непроходимых горных лесах Дальнего Востока живёт большая полосатая кошка — тигр. Густая шерсть защищает его от ветра, дождя и

снега. Охотится тигр на оленей и диких свиней — кабанов. Из всех лесных зверей он самый сильный и страшный.

Опытные советские охотники охотятся на тигров и ловят их живыми для зоопарков нашей Родины.

В зоопарке молодые тигрята иногда становятся совсем ручными и крепко привязываются к людям, которые за ними ухаживают.

ЛО ВЭНЬ-ИНЬ

У нас, в Китае, пионеры тоже носят красные галстуки. И вот однажды группа школьников пришла в гости к солдатам Народно-освободительной армии. Все были в галстуках, только один мальчик был без галстука. Командир положил ему руку на плечо:

— Как тебя зовут?

— Ло Вэнь-инь.

— А почему ты забыл пионерский галстук?

Ло Вэнь-инь низко опустил голову и ничего не ответил. За него ответили товарищи:

— Он не забыл... Он просто не пионер... Его не приняли. Потому что он плохо учится.

— Вот как?! — огорчился командир и убрал руку с плеча мальчика.

Ло Вэнь-иню стало стыдно. Он покраснел и сбивчиво сказал:

— Я... я исправлюсь... я стану другим... Вот увидите...

Но как только вышли на улицу, Ло Вэнь-инь подумал: «Сегодня суббота, се-

годня, пожалуй, уже не стоит становиться другим. Вот с завтрашнего дня начну обязательно».

Назавтра было воскресенье. Ло Вэнь-инь подумал: «Сегодня воскресенье, все отдыхают. Буду и я отдыхать. А вот уж завтра...»

Наступил понедельник. Ло Вэнь-инь твердо решил стать другим. Он поднялся рано, пошёл в школу, прилежно слушал учителей, а после занятий направился домой. Путь лежал мимо рынка. Обычно Ло Вэнь-инь подолгу задерживался там, бродил между палатками, любовался на товары, приценивался, глазел по сторонам...

Но так поступал прежний Ло Вэнь-инь, которого не приняли в пионеры. Новый Ло Вэнь-инь так поступать не будет. Он сразу же пойдёт домой, возьмёт кисточку, тушь и будет старательно выводить иероглифы. Он только на минуточку заглянет к продавцу черепах и посмотрит, как они поживают, его знакомые черепахи.

Черепахи были на своём месте, в тазу.

— Здравствуйте, почтенные черепахи! — крикнул им Ло Вэнь-инь.

Черепахи высунули головы из-под панцирей, посмотрели на Ло Вэнь-иня и, хотя это был другой Ло Вэнь-инь, узнали его, кивнули ему и снова спрятались под панцири.

Ло Вэнь-инь был очень рад. Но тут он нечаянно бросил взгляд на соседний прилавок. Там, точно осколки зеркала, ярко блестели стальные лезвия ножей. Ло Вэнь-инь взял один ножик, подышал на него, осторожно потрогал острое лезвие и со вздохом положил ножик на место.

— Купи! — сказал продавец.

— О нет, уважаемый продавец, — ответил Ло Вэнь-инь, — мне некогда, мне надо садиться за уроки.

Вот как ответил новый Ло Вэнь-инь и с достоинством отошёл от прилавка. Вдруг он услышал звуки кэланцю¹, которые доносились из открытых окон чайного домика. Ло Вэнь-инь заглянул в окно. «Интересно, кто сегодня играет? Неужели опять этот высокий толстый продавец бобов? Так и есть! Он вечно проигрывает! Подожду, когда он выиграет, и пойду».

¹ Кэланцю — игра, напоминающая бильярд, с шайбами вместо шаров.

Ло Вэнь-инь внимательно следил за игрой. Шайбы быстро скользили вдоль досок и ударялись о борта. Продавцу бобов не везло. «Выигрывай же скорей», — шептал Ло Вэнь-инь.

Наконец продавец бобов выиграл, и Ло Вэнь-инь направился к дому. На улице было уже темно. Зажигались звёзды. Домой Ло Вэнь-инь пришёл поздно. Ему хотелось спать. Глаза слипались. Когда он ужинал, палочки так и падали у него из рук. Об уроках и думать нечего было. «Завтра сделаю», — решил Ло Вэнь-инь.

Но на другой день он встал поздно и еле-еле успел в школу. Уроков он, конечно, не приготовил. Учитель побранил его. Ло Вэнь-инь заплакал. Товарищи окружили его. Звеньевая Ли Сяо-цинь сказала:

— Не плачь, мы тебе поможем.

— Как? — спросил плачущим голосом Ло Вэнь-инь.

— Хочешь, мы будем вместе заниматься?

— Хо... хочу... Только не сегодня, а завтра... или—ещё лучше—послезавтра.

— Зачем же откладывать? — вмешался Чжао Цзя-лин, один из лучших учеников. — Мы все сегодня соберёмся у Ли Сяо-цинь в шесть часов. Приходи и ты!.. Будем заниматься.

— Хорошо! — сказал Ло Вэнь-инь.

— Только не опаздывай!

— Нет, нет, я ни на минуточку не опоздаю...

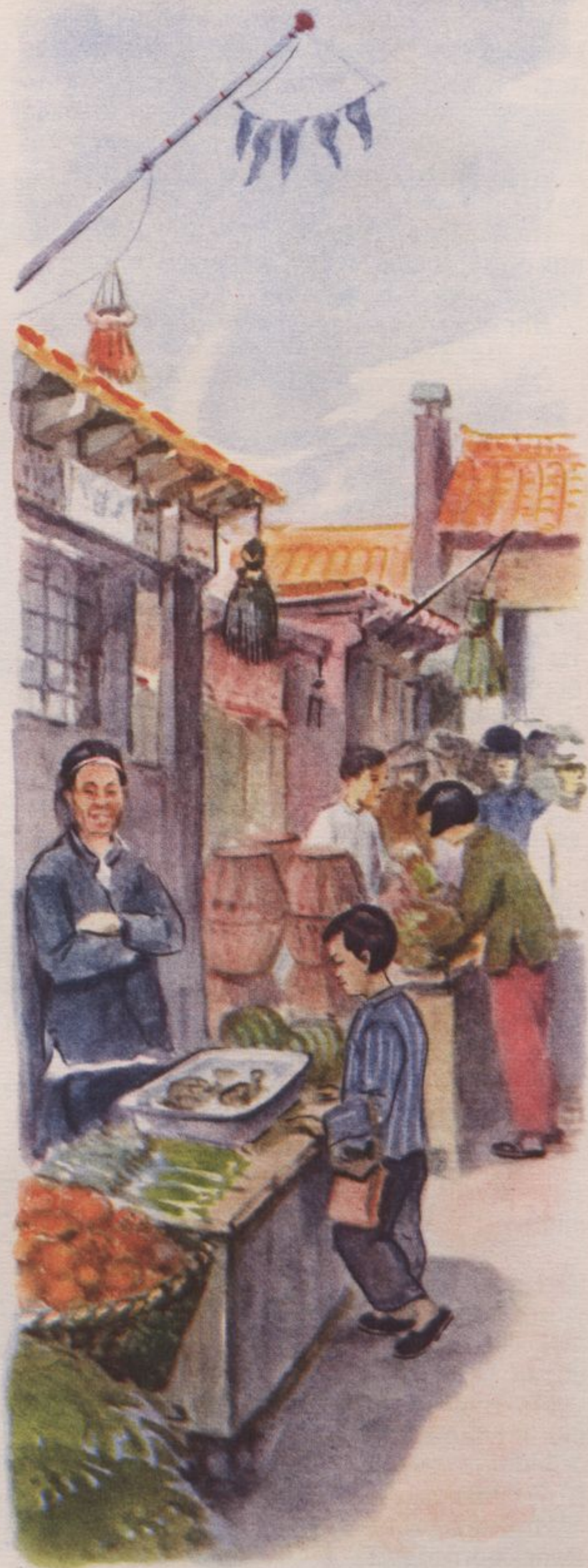
Ло Вэнь-инь поспешил домой. Дома он пообедал, отдохнул и в половине шестого стал собираться к товарищам. Он хотел взять сумку, потом решил: «Не надо сумки, а то все подумают, что я так поздно из школы возвращаюсь. Заверну лучше книги в газету».

Ло Вэнь-инь нашёл старую газету, растелил её, положил на неё книги и вдруг увидел в газете чей-то портрет.

«Интересно, кто это?» — Ло Вэнь-инь стал медленно разбирать иероглифы под портретом.

«Передовик труда». Что такое «передовик»? Ло Вэнь-инь стал разбирать все заметки. А это кто? «Крестьянин, получивший землю». Тоже интересно! А тут о чём?

Так Ло Вэнь-инь мало-помалу прочи-

тал чуть ли не всю газету. Потом он спохватился, стал завёртывать книги и посмотрел на часы. Они показывали без пяти семь. У Ло Вэнь-иня руки опустились. Как быть? Если пойти теперь к товарищам, они будут ругать его за опоздание. А если не пойти, они завтра в школе ещё сильнее его будут ругать.

Что делать? А время шло. Ло Вэнь-инь чувствовал себя несчастным, заброшенным и одиноким.

Вдруг он услышал за окном голос: — Ло Вэнь-инь!

Он вздрогнул. Это звеньевая Ли Сяо-цин.

Ло Вэнь-инь спрятался за занавеску.

— Ло Вэнь-инь! — снова раздалось за окном. А это голос Чжао Цзя-лина. Значит, они пришли сюда.

— Ло Вэнь-инь! — крикнула в дверях Ли Сяо-цин. — Где ты? Почему ты не пришёл заниматься? Может быть, ты заболел?

Ло Вэнь-инь высунул голову из-за занавески и с трудом произнёс:

— Нет...

— Ну, так пойдём скорее заниматься к товарищам.

— Значит, они меня ждут?

— Конечно! Если бы мы не нашли тебя дома, мы бы стали искать тебя на рынке. Если бы не нашли тебя на рынке, стали бы искать на улице. Не нашли бы на улице, стали бы искать в чайном домике. Мы бы тебя везде нашли.

Ло Вэнь-инь засмеялся от радости. Он подхватил книжки и побежал вместе с Ли Сяо-цин к товарищам. Он усердно занимался, на другой день внимательно слушал учителя и получил хорошую отметку.

— Молодец! — похвалил его учитель. — Я тебя, Ло Вэнь-инь, просто не узнаю.

— Потому что я стал другим, — ответил Ло Вэнь-инь, а после уроков подошёл к Ли Сяо-цин и сказал: — Я хочу пойти домой, но боюсь, что по дороге я нечаянно задержусь где-нибудь на рынке... или в чайном домике.

— Мы пойдём с тобой провожатого, — сказала Ли Сяо-цин. — Он проводит тебя до самого дома.

Три дня Ло Вэнь-инь ходил с провожатым, а на четвёртый сказал:

— Теперь я, пожалуй, один попробую. Он взял сумку и направился домой. Вот резные ворота рынка. Интересно, как там поживают черепахи?

Ло Вэнь-инь замедлил шаг... «Я только на минуточку, — подумал он. Но тут же шопотом самому себе сказал: — Нет, не надо», — и прошёл мимо ворот.

А вот витое крылечко чайного домика, с красными лакированными столбиками. Сейчас там играют не в кэланцю, а в шахматы. Поглядеть бы, у кого лучше дела: у белых или у чёрных?

Ло Вэнь-инь поставил ногу на ступеньку, взялся было за ручку двери, подумал, подумал, вздохнул, спустил ногу со ступеньки и пошёл дальше.

Неподалёку от дома навстречу ему покатился кожаный мяч. Какой-то мальчишка бежал за мячом, крича:

— Я буду вратарём, а ты бей, бей!

Ло Вэнь-иню очень хотелось ударить по мячу и одним пинком забить его в ворота. Но он пересилил себя, легонько оттолкнул мяч и сказал:

— Мне сейчас некогда! Надо сначала посидеть за уроками. И тебе, маленький товарищ, тоже советую.

И Ло Вэнь-инь твёрдым шагом направился к дому.

И когда через некоторое время ребята из школы снова навели солдат, в казарму одним из первых вошёл Ло Вэнь-инь. На его груди блестел красный шёлковый галстук.

Командир сказал:

— Я тебя знаю. Ты Ло Вэнь-инь...

— Да, — ответил Ло Вэнь-инь, — только я теперь другой Ло Вэнь-инь, — и показал на свой галстук.

Командир осторожно потрогал гладенький шёлковый уголок галстука, улыбнулся и сказал:

— Поздравляю!

И крепко пожал своей сильной рукой маленькую тонкую руку Ло Вэнь-иня.

Свободный перевод с китайского

Е. СЕРОВА

СОЛНЦЕ В ДОМЕ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Встало утром солнышко
И гулять отправилось,
И на нашей улице
Всё ему понравилось.

Как вели к Егоровым
Газовые трубы...
Как я очень здорово
Сам почистил зубы...

Побежало солнце
Золотой дорожкой,
И попало солнце
Прямо к нам в окошко.

Вот шепнуло маме
Ласковое что-то,
Помогло собраться
Быстро на работу,

Проводило папу
Ясным, добрым взглядом
И со мной уселось
На кушетке рядом.

— Ведь тебе, Володя,
На завод не надо.
Хочешь — погуляем?
Буду очень радо!

Говорю я солнышку:
— Я и сам бы рад,
Только мне ведь очень
Нужно в детский сад!

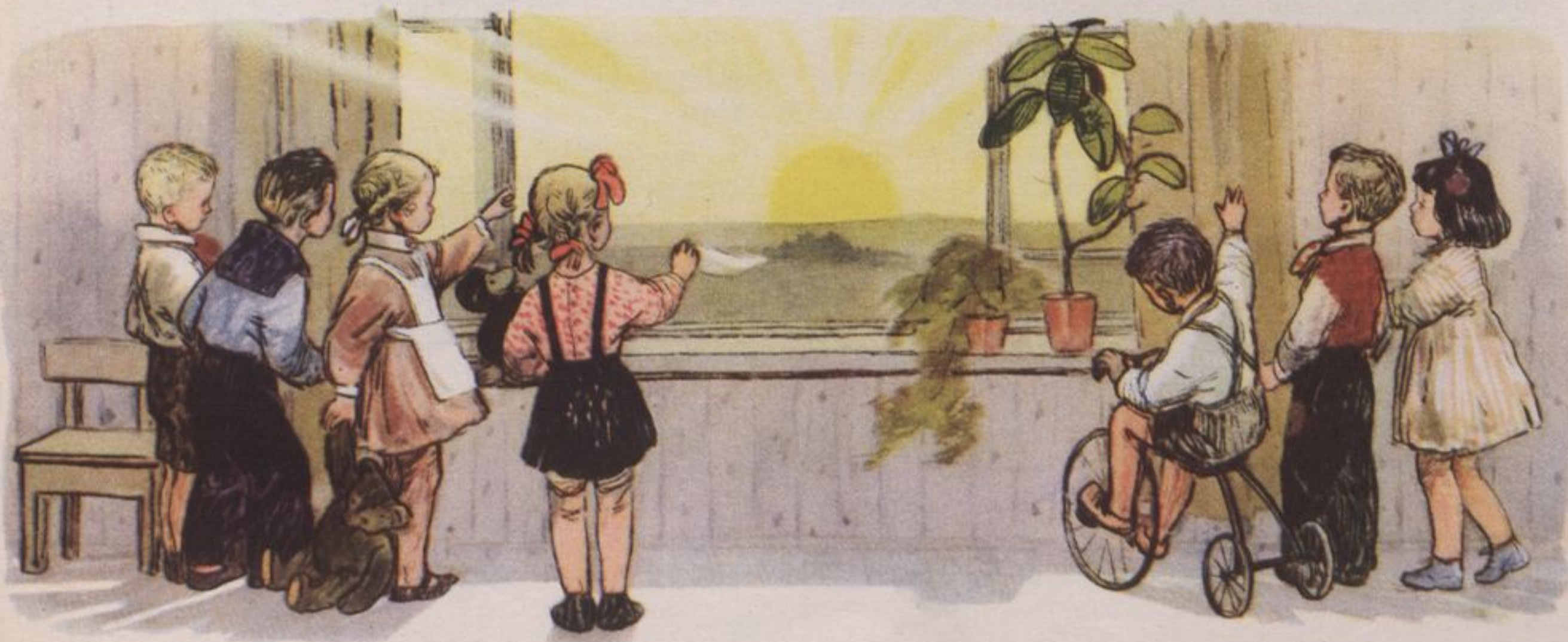
Столько там приятелей
У меня в саду,
Как же я гулять-то
Без друзей пойду?

— Что ж, — сказало
солнышко, —
В детский сад пойдём!
Это даже лучше,
Чем гулять вдвоём.

Вместе мы отправились
С солнцем в детский сад;
Приласкало солнышко
Сразу всех ребят.

Шла у нас до вечера
Дружная игра...
Но сказало солнышко:
— Мне домой пора!

Завтра утром рано
Вас будить приду,
Снова будем бегать
И гулять в саду!

В НАРОДНОЙ АЛБАНИИ

Албания — страна гор. Её острые, изрезанные берега омывают тёплые воды Адриатического моря.

Никогда не бывает на морском побережье морозов, а на севере в горах зимой долго стоят холода. В долине цветут апельсины, лимоны и миндаль, а в горах ещё лежит снег. Но вот с моря прилетает тёплый ветер, снег тает и с гор бегут тысячи ручьёв. Ручьи текут в реки, а реки сбегают по крутым скалам в озёра. Много озёр и рек в Албании. Самая длинная — река Дрин — всего 280 километров. Зато озёра есть большие — с одного их берега не видно другого, — такие они широкие.

Богатая страна Албания. Есть там нефть и бурый уголь, есть золото и серебро, в горах залежи железной и медной руды. А жил албанский народ очень бедно.

Давным-давно в страну пришли иноземные захватчики. Пятьсот лет жестокие турецкие султаны грабили албанский народ. Потом появились новые захватчики — немецкие и итальянские фашисты. Но как ни угнетали албанцев, насколько ни превосходили их своим количеством враги, народ продолжал борьбу за независимость своей родины. Албанцы поднимали восстания, уходили в горы и оттуда нападали на врагов.

Одни погибали в битвах, но вырастали новые герои. И никогда не умирала в народе светлая мечта о свободе.

Но вот красное знамя свободы взяли в руки коммунисты. Они создали народную армию, сильную, смелую, — армию, которая наносила врагу один удар за другим. Победа Советского Союза над фашизмом принесла свободу и албанскому народу. Албанцы навсегда прогнали со своей земли иноземных захватчиков и утвердили в стране власть народа.

Закипела горячая работа. Повсюду

строятся заводы, рудники, фабрики, осушаются болота.

Раньше албанские крестьяне обрабатывали свои земли сохой да мотыгой, а теперь по их полям ходят тракторы и комбайны, которые прислал им советский народ.

Никогда в Албании не было железной дороги. Если простому человеку нужно было добраться из одного конца страны в другой, он или шёл пешком, или ехал на маленьком ослике. Долго продолжалась такая дорога. Поэтому бывало так, что человек живёт в горах и никогда не спускается в равнину.

А теперь в ущельях, горах, на морском побережье раздаётся паровозный гудок и слышится бойкий перестук колёс. И каждый албанец: и пожилой крестьянин, и молодой рабочий, и юный пионер, заслышав шум поезда, обязательно остановится и весело помашет ему вслед рукой: счастливого пути! Поезд спешит из Дурреса — портового города — в Тирану, столицу Албанской Народной Республики. Оттуда он пойдёт через тоннели, через висячие мосты над пропастями дальше на север.

Счастливы живут в Албании дети. Они учатся в школах, ходят в дома пионеров, летом уезжают в пионерские лагеря. Там они лазают по горам, купаются в море, а по вечерам у пионерского костра поют красивые албанские песни и слушают рассказы старших товарищей о героическом прошлом своей родины, о друзьях в Советском Союзе, в Китае, в Чехословакии, Польше, Болгарии и многих, многих других странах.

Далеко-далеко от нас лежит гордая, свободная Шкиперия — страна орлов, как называют свою родину албанцы, но крепкая, нерушимая дружба связывает албанский и советский народы.

Когда Женя вернулась с прогулки, она в передней увидела в углу знакомый чемодан в сером чехле.

— Мама приехала! — во весь голос закричала Женя и бросилась в комнату.

— Здравствуй, моя маленькая! — сказала мама, целуя Женю и прижимая её к себе.

— Мама, а ты что привезла?

— Сейчас увидишь, — сказала мама и достала из корзины большой свёрток. Из свёртка на ковёр посыпались беленькие и жёлтые не то яички, не то орешки.

— Ой, какие смешные шарики! — воскликнула Женя. — Это, наверное, птичкины яички?

— Это не яички, — сказала мама. — Это коконы. Из них получают шёлковые нитки.

— А как? Расскажи!

— Хорошо, — ответила мама. — Слушай... Живёт на свете маленькая светлоричневая бабочка с тяжёлыми большими крыльями. Она совсем не умеет летать и совсем не умеет есть. Называется бабочка «тутовый шелкопряд». Живёт эта бабочка не на воле, а в особых комнатах. Когда бабочки отложат крошечные, как бисеринки, яички, приходят люди и складывают их в большие коробки. Потом эти коробки уносят

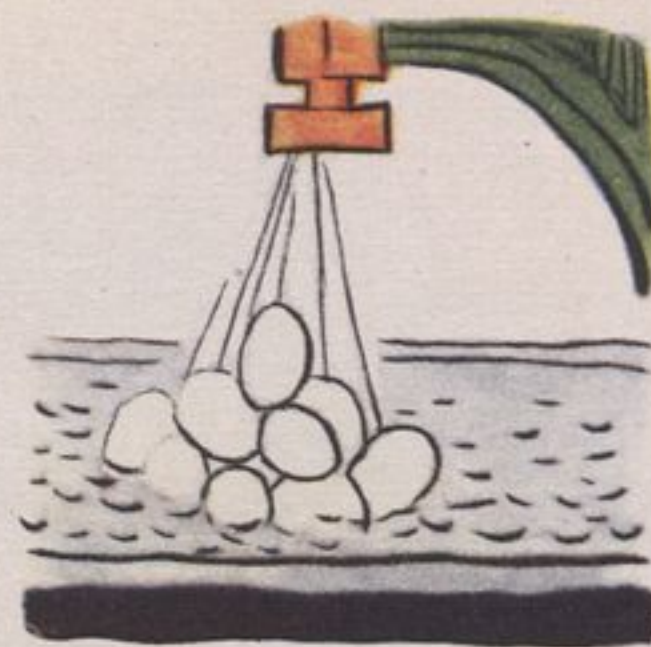

в тёмные и холодные комнаты, где яички будут лежать до следующей весны. В Средней Азии, где разводят тутового шелкопряда, весна наступает очень рано. Когда у нас под Москвой ещё снег лежит, там уже начинают цвести сады. Весной яички приносят в тёплые и светлые комнаты. Там дней через десять из них вылупятся гусеницы. Когда гусеницы вылупятся из яичек, они сейчас же начинают кушать.

За пять-шесть дней гусеница увеличивается втрое. Кожица на ней постепенно натягивается, все складочки распрямляются. И вдруг гусеница перестаёт есть, становится ленивой, неподвижной и засыпает на целые сутки.

А как проснётся, потянется, расправит своё тельце — и лопнет на ней шкурка: тесно старое платье. А под ним уже другое готово. Оно, правда, ещё великовато для гусеницы, но это не беда — теперь гусеница опять начнёт есть и днём и ночью. Через несколько дней платье станет ей как раз впору.

Гусеница переодевается пять раз. Теперь она уже стала величиной с палец и ест не только листья, но сгрызает и молодые побеги. В комнате, где

живут большие гусеницы, такой шум стоит, как будто идёт сильный дождь: это тысячи толстых гусениц листья грызут.

Через несколько дней после того, как гусеницы надели своё пятое платье, цветом похожее на топлёное молоко, они вдруг начинают вести себя беспокойно. Эти толстые лентяйки переползают с места на место, взбираются по стенкам полка, на которых они живут. Шелководы знают, в чём тут дело, и приносят в комнату кустики сухих растений с тонкими, частыми веточками.

Гусеницы забираются на ветки и там принимаются за работу. На нижней губе у гусеницы есть маленький выступчик с крохотным отверстием. Из него гусеница выпускает тоненькую, как паутинка, ниточку-шелковинку. Эта ниточка клейкая, и петельки её прочно прилипают одна к другой. Свой домик гусеница строит дня два-три. Когда домик готов, гусеница прикрепляется к его верхнему концу и засыпает. Тогда приходят шелководы, собирают коконы и отвозят их на шёлкомотальные фабрики.

Чтобы из кокона получить нить, его нужно размотать. И вот коконы бросают в тазик с горячей водой. Сверху тазик прикрывают круглой щёткой с железными

зубьями. И начинает эта щётка по коконам гулять: туда-сюда, туда-сюда... Только она не причёсывает, а наоборот, растрёпывает коконы! Так отыскивают конец шелковинки. Потом растрёпанные коконы перебрасывают в другой таз, с тёплой водой, и в нём коконы начинают подпрыгивать. Пять-шесть, а то и девять коконов собираются в кучку и подпрыгивают в воде, как живые.

Чтобы шёлковая нитка была прочнее, в машине соединяют несколько ниток в одну. Эта нитка наматывается на большие колёса — мотовила, которые всё время вертятся. Как только один кокон разматывается, работница сейчас же другую ниточку вставляет. И тянется ниточка длинная-предлинная, от белых коконов бе-

лая, как серебро, и от жёлтых — золотая.

С шёлкомотальной фабрики нитки отправят на ткацкие фабрики. Там из них делают красивые разноцветные шёлковые материи. Потом материи повезут на швейные фабрики...

— А там сошьют нам разные платьица, да? — спросила весело Женья.

— Да. Там сошьют и нарядные платьица, и пионерские галстуки, и прочные парашюты... Вот видишь, Женья, какие бывают замечательные гусеницы! — закончила мама свой рассказ.

Серая утка

Л. ФЁДОРОВ

Рис. К. КАЩЕЕВА

Целый день пробродил я по озеркам, рассеянным в окрестностях деревни Рямово. Так много дичи я ещё нигде не встречал. От выстрела с озёр поднимались целые утиные тучи и, пометавшись в воздухе, снова садились на воду.

Солнце уже перевалило за полдень, когда я подошёл к околице деревни. Метрах в десяти от изгороди начиналось большое Рямовское озеро, раскинувшееся до самого горизонта. Его дальний, едва заметный берег был затянут лёгкой голубоватой дымкой.

На берегу лежала перевернутая лодка, а в воде, у самого берега, мотля привязанная к шесту бочка. Возле неё, лениво поворачивая головы, плавало около дюжины домашних гусей. Среди них шмыгала серая скромная утка.

Сложив ружьё и дичь на землю, я присел на лодку и, свернув папиросу, закурил. Моё внимание привлекла утка. Она пла-

вала в двух-трёх метрах от меня, поминутно поворачивая ко мне голову. У неё была длинная стройная шейка. У домашних уток шеи обычно всегда согнуты, сами они грузнее и неповоротливее, а эта, словно юла, вертелась на воде и зорко следила за каждым моим движением.

В это время к берегу подошла старушка с ведрами на коромысле. Поздоровавшись с ней и кивнув в сторону утки, я спросил её о том, кому пришла в голову мысль держать здесь уток, когда у всех большие стада гусей.

— Уток-то? А никто их и не держит. Мы больше гусями занимаемся. Птица крупная, мясистая. А от уток какой прок? Нет, сынок, у нас их нет. Так это ж польская утка, ну иначе — дикая, с поля значит. Зачем она здесь? А это уж ты её, милый, спроси, она тебе сама расскажет, — сказала старушка.

Полюбовавшись ещё несколько минут

бойкой уточкой, я взял в руки незаряженное ружьё. В ту же минуту утка быстро юркнула в самую гущу гусей и, словно играя со мной в прятки, высовывала головку из-за гусиных спин.

Я рассмеялся. В это время гуси с лёгким гоготаньем, отряхиваясь, вылезли на берег. Уточка осталась одна в воде и забеспокоилась. Я поднял ружьё и сделал вид, что целюсь.

На этот раз спасительной стаи гусей около неё не было, и утка решила, что пора ей убираться. С громким кряканьем взлетела она с воды и скоро скрылась из виду.

Вечером с дочуркой Люсей мы отправились купаться. Возле берега я снова увидел серую уточку. При нашем приближении она, быстро работая лапками, отплыла к камышу, узкой полосой заходящему далеко в озеро.

Поведение утки меня заинтересовало, и я решил во что бы то ни стало узнать, что влекло её к этому берегу, где ей каждую минуту угрожала опасность.

Долго мы осматривали берег с Люсей, заглядывали под каждый кустик, но ничего не могли обнаружить. Я уже начал отчаиваться, как вдруг услышал радостный возглас дочери:

— Папа! Папа! Иди сюда скорей, они в бочке!

— Кто они? Кого ты нашла?

— Да утят же! Смотри, какие они слабые!

Действительно, в бочке находились два полумёртвых от голода утёнка. Края бочки были вровень с водой, а внутри она была наполнена только до половины. Очевидно, забравшись на край, утята сорвались вниз и, не умея летать, оказались в ловушке.

Мы осторожно вынули пленников и пустили их на воду. Громким кряканьем приветствовала утка своих детей.

Не обращая на нас внимания, она быстро, помогая себе взмахами крыльев, подплыла к ним и, покругившись возле, с довольным кряканьем повела за собой в камыш.

Тайна необыкновенной утиной смелости была разгадана.

На обложке—рисунок А. Пластова

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камнин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Л. Волкова

Год издания двадцать девятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.

Бумага 60×92¹/₂=1,5 бум. л.=3 печ. л.

A03826

Подписано к печати 7/VII 1953 г.

Тираж 325 000 экз.

Заказ 1329

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

